

ВИКТОР
ГЮГО

Ган Исландец

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Виктор Мари Гюго

Ган Исландец

«Издательство АСТ»

1823

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Гюго В.

Ган Исландец / В. Гюго — «Издательство АСТ»,
1823 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-185694-6

Благородный Орденер Гульденлью, сын вице-короля Норвегии, влюбляется в очаровательную Этель — дочь опального министра. Чтобы спасти любимую от неминуемой казни, Орденер решает найти секретные документы, оправдывающие честное имя ее отца. Отважному юноше предстоит проделать долгий путь, преодолеть мрачные крепости и суровые тюрьмы, повстречаться с коварными заговорщиками и благородными бунтовщиками и, наконец, столкнуться с владельцем бумаг — настоящим чудовищем в человеческом обличье, известным под именем Ган Исландец.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-185694-6

© Гюго В., 1823

© Издательство АСТ, 1823

Содержание

Часть I	6
Глава I	6
Глава II	11
Глава III	12
Глава IV	15
Глава V	17
Глава VI	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Гюго Виктор
Ган Исландец
Роман

* * *

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Часть I

Глава I

– Вот до чего доводит любовь, сосед Ниэль! Бедняжка Гут Стерсен не лежала бы теперь на этой большой черной плите, как морская звезда, забытая отливом на отмели, если бы заботилась только о починке челнока и ветхих сетей своего отца. Да утешит святой Усуф¹ нашего старого товарища в постигшем его несчастье!

– Да и жених ее, – подхватил чей-то пронзительный дрожащий голос, – этот красавец Жиль Стадт, не лежал бы тут рядом с ней, если бы вместо того, чтобы волочиться за богатством в проклятых рудниках Рерааса, качал люльку маленького брата под закоптелой кровлей своей хижины.

– Э! Матушка Олли, твоя память стареет вместе с тобой, – возразил сосед Ниэль, к которому обращена была первая речь. – У Жилия никогда не было брата и тем труднее бедной вдове Стадт переносить свое горе. Хижина ее теперь совсем осиротела, и взоры матери, в поисках утешения в небе, будут встречать лишь ветхую кровлю, под которой висит опустевшая люлька сына, в цвете лет простившегося с жизнью.

– Несчастливая мать! – вздохнула старая Олли. – А парень сам виноват: зачем понесло его в Рераасские рудокопы?

– Право, – сказал Ниэль, – эти адские рудники берут с нас по человеку за каждый аскалон меди. Не так ли, кум Брааль?

– Рудокопы – это безумный народ, – ответил рыбак. – Чтобы жить, рыба не должна покидать воды, а человеку не след спускаться в недра земли.

– Но что, если работа в рудниках нужна была Жилю Стадту, чтобы сыграть свадьбу с своей невестой? – заметил из толпы молодой парень.

– Э, – прервала его Олли, – разве можно подвергать жизнь свою опасности ради страсти, которая не стоит такой жертвы. Нечего сказать: славное брачное ложе доставил Жиль своей возлюбленной!

– Значит, девушка утопилась с отчаяния, узнав о смерти своего жениха? – осведомился другой любопытный.

– Что за вздор! – грубо закричал какой-то солдат, расталкивая толпу. – Я хорошо знаю эту девочку, она действительно была помолвлена с молодым рудокопом, придавленным при обвале скалы в шахтах Сторваадсгрубе, близ Рерааса. Но она также была любовницей одного из моих товарищей, и когда третьего дня она тайком отправилась в Мункгольм отпраздновать со своим дружкой смерть жениха, лодка ее наткнулась на подводный камень, и Гут утонула.

Смешанный шум голосов поднялся в толпе. «Врешь, служба!» – кричали старухи; молодежь молчала, а сосед Ниэль ехидно напомнил рыбаку Браалю свое глубокомысленное изречение: «Вот до чего доводит любовь!» Солдат, не на шутку раздраженный сварливым бабьем, уже послал ему название «старые ведьмы кираготской пещеры»: оскорбительное, с которым трудно было безропотно примириться, – как вдруг повелительный грубый голос, закричавший: «Тише, тише, болтуны!» – положил конец препирательствам.

Все смолкло подобно тому, как при крике петуха водворяется тишина в среде раскудахтавшихся кур.

¹ Покровитель рыбаков. – Здесь и далее примеч. пер.

Прежде чем продолжить наш рассказ, не лишне будет описать место, где происходила вышеописанная сцена. Читатель, без сомнения, уже догадался, что мы в одном из тех зданий, которые человеколюбие и общественное призрение посвящает для последнего приюта безвестных трупов, по большей части самоубийц, жизнь которых не богата была красными днями.

Здесь безучастно толпятся любопытные: холодные зеваки или сердобольные, но часто безутешные друзья и родные, которым долгая невыносимая неизвестность оставила эту последнюю горькую надежду.

В эпоху давно минувшую, в стране мало цивилизованной, куда мы переносим читателя, еще и не помышляли превращать эти убежища в вычурно-мрачные памятники, как то делают теперь наши столицы, блещущие золотом и грязью. Солнечные лучи не проникали туда и, скользя по артистически украшенному своду, не освещали ряда возвышений, изголовья которых готовят как бы для сна. Если отворялась дверь сторожки, взор, утомленный зрелищем голых изуродованных трупов, не мог отдохнуть, как в наше время, на изящной мебели и резвящихся детях.

Смерть являлась здесь во всей своей отвратительной наготе, во всем ужасе: тогда не пытались еще украшать полуистлевшие скелеты лентами и саванами.

Помещение, в котором происходила вышеописанная сцена, было обширно, а парившая в нем темнота придавала ему еще более фантастические размеры. Дневной свет проникал туда лишь через низенькую четырехугольную дверь, которая вела к Дронтгеймской пристани, да в отверстие, вырубленное топором в потолке, откуда, смотря по времени года, падали дождь, град или снег на трупы, расположенные как раз против отверстия.

Железная балюстрада высотой по грудь взрослого делила это помещение во всю ширину. В переднее отделение через вышеупомянутую четырехугольную дверь входили посетители, в заднем виднелось шесть длинных, черного гранита плит, размещенных в ряд и параллельно друг другу. Боковая маленькая дверь служила входом в каждое отделение для сторожа и его помощника, которые занимали остальную часть здания, примыкавшую к морю.

Рудокоп и его невеста лежали рядом, на двух смежных гранитных плитах. Тело девушки уже начало разлагаться, судя по широким синим и багровым полосам, которые тянулись вдоль ее членов соответственно ходу кровеносных сосудов. Черты лица Жилия были мрачны и суровы, но труп был так страшно изуродован, что невозможно точно сказать, тот ли это красавец, о котором говорила старая Олли.

Перед этими-то обезображенными останками, среди молчаливой толпы начался вышеприведенный разговор.

Рослый сухощавый пожилой человек, скрестив руки и опустив голову на грудь, сидел на поломанной скамье в самом темном углу морга. Казалось, он не обращал ни малейшего внимания на происходившее вокруг, но вдруг, поднявшись с места, крикнул:

– Тише, тише, болтуны!

Воцарилась тишина. Солдат обернулся и громко расхохотался при виде нового собеседника, изможденное лицо которого, редкие, растрепанные волосы, длинные пальцы и полный костюм из оленьей кожи достаточно оправдывали столь неожиданную веселость. Между тем в толпе женщин поднялся сдержанный говор:

– Это сторож Спладгеста... адский тюремщик мертвецов... дьявольский Спиагудри... проклятый колдун...

– Тише, болтуны, тише! Если сегодня день вашего шабаша, спешите к вашим метлам, или на чем вы там летаете. Оставьте в покое этого благородного потомка бога Тора.

С этими словами Спиагудри, попытавшись скроить грациозную улыбку, обратился к солдату:

– Ты сказал, товарищ, что эта жалкая женщина...

– Старый негодяй, – пробормотала Олли. – Мы действительно для него жалкие женщины, так как наши тела, попадись они в его когти, не принесут ему по таксе более тридцати аскалонов, меж тем как за любой негодный остов мужчины он имеет верных сорок.

– Тише, ведьмы! – повторил Спиагудри. – Право, эти чертовы дочери что их котлы: как согреются, начинают шуметь. Скажи-ка мне, мой храбрый воин: твой товарищ, любовницей которого была Гут, без сомнения, наложил на себя руки, потеряв ее?..

Эти слова произвели взрыв долго сдерживаемого негодования.

– Слышите, что толкует басурман, старый язычник? – закричали разом двадцать пронзительных нестройных голосов. – Ему хочется заполучить еще одного покойника ради лишних сорока аскалонов!

– А если бы и так, – не стал спорить сторож Сплэдгеста. – Наш милостивый король и повелитель Христиерн Пятый, – да благословит его святой Госпиций! – разве не объявил себя покровителем всех рудокопов, так как они обогащают его королевскую казну своим скудным заработком?

– Не слишком ли много чести для короля, сосед Спиагудри, – заметил рыбак Брааль, – когда ты сравниваешь королевскую казну с сундуком твоей мертвецкой, а его особу со своей?

– Сосед! – повторил Спиагудри, уязвленный такой фамильярностью. – Твой сосед! Скажи-ка лучше «твой хозяин», так как легко может статься, что со временем я и тебе, мой милейший, одолжу на недельку одну из моих каменных постелей. Впрочем, – добавил он смеясь, – я ведь заговорил о смерти этого солдата в надежде видеть продолжение обычая самоубийств под влиянием сильных, трагических страстей, внушаемых подобными женщинами.

– Хорошо, хорошо, великий хранитель трупов, – сказал солдат, – но что ты хотел сказать своей милой гримасой, так удивительно похожей на последнюю усмешку висельника?

– Чудесно, мой храбрый воин! – вскричал Спиагудри. – Я всегда думал, что под каской латника Турна, победившего дьявола саблей и языком, кроется более ума, чем под митрой епископа Ислейфского, сочинившего историю Исландии, или под четырехугольной шапкой профессора Шонинга, описавшего наш собор.

– В таком случае послушай меня, старый кожаный мешок: брось эту мертвецкую и продай себя в кабинет редкостей вице-короля в Бергене. Клянусь тебе святым Бельфегором: там на вес золота скупают экземпляры редких животных. Однако что же ты хотел мне сказать?

– Если труп, доставленный сюда, извлекли из воды, мы обязаны платить половину таксы рыбакам. Вот потому-то я и хотел просить тебя, славный потомок латника Турна, уговорить твоего злополучного товарища не топиться, а избрать какой-либо иной способ покончить свое существование. Ему не все ли равно, а умирая, он наверняка не захочет обидеть бедного христианина, который окажет гостеприимство его трупу, если только утрата Гут натолкнет его на такой отчаянный поступок.

– Ну, здесь ничего не выгорит, мой сердобольный и гостеприимный тюремщик. Плоха надежда на моего товарища, что он сделает тебе удовольствие, воспользовавшись твоей соблазнительной гостиницей о шести постелях. Неужто ты думаешь, что другая какая-нибудь валькирия не утешила его в потере этой? Клянусь моей бородой, ваша Гут уже давно порядком надоела ему.

При этих словах буря, минуту назад висевшая над головой Спиагудри, обрушилась всей своей тяжестью на злосчастного солдата.

– Что, несчастный негодяй! – кричали старухи. – Так-то вы нами дорожите? Вот любите после этого таких бездельников!

Молодухи все еще молчали, некоторые из них даже находили, что этот бездельник недурен собой.

– Ого! – сказал солдат. – Шабаш-то снова расходится. Мучения Вельзевула поистине ужасны, если ему каждую неделю приходится выслушивать подобные хоры!

Неизвестно, чем кончилось бы это новое препирательство, если бы в эту минуту всеобщее внимание не было привлечено шумом, что несся с улицы.

Шум постепенно усиливался, и вскоре толпа полунагих мальчишек, крича и вертясь вокруг закрытых носилок, которые несли два человека, в беспорядке ворвалась в Сплэдгест.

– Это откуда? – спросил сторож морга носильщиков.

– С Урхтальских берегов.

– Оглипиглап! – закричал Спиагудри.

На этот зов в одной из боковых дверей появился малорослый лапландец в кожаной одежде и сделал знак носильщикам следовать за ним. Спиагудри тоже пошел с ними, и дверь захлопнулась, прежде чем толпа любопытных успела угадать по габаритам трупа, покоившегося на носилках, мужчина то был или женщина.

Всевозможные предположения и догадки прерваны были появлением Спиагудри и его помощника, которые внесли труп мужчины во второе отделение морга и положили на одну из гранитных плит.

– Давненько уже не попадалась мне такая прекрасная одежда, – промолвил Оглипиглап, качая головой.

Приподнявшись на цыпочках, он прикрыл мертвеца красивым капитанским мундиром. Голова трупа была обезображена, все тело в крови, и сторож несколько раз окатил его водой из старого поломанного ведра.

– Клянусь Вельзевулом! – закричал солдат. – Это офицер нашего полка!.. Кто бы это мог быть?.. Уж не капитан ли Боллар... с горя, что потерял своего дядю? Но нет, он его прямой наследник. Не барон ли Рандмер? Вчера он поставил на ставку свое имение, но завтра же вернет его с замком противника в придачу. Быть может, это капитан Лори, у которого утонула собака, или казначей Стунк, которому изменила жена? Однако во всех этих поводах я не нахожу ни малейшей уважительной причины к самоубийству.

Толпа зрителей увеличивалась с каждой минутой. В это время молодой человек, проезжавший по пристани, заметил это стечение народа, соскочил с лошади и, бросив поводья следовавшему за ним слуге, вошел в Сплэдгест.

Новоприбывший был одет в простой дорожный костюм, вооружен саблей и закутан в широкий зеленый плащ. Черное перо, прикрепленное к его шляпе бриллиантовым аграфом, ниспадало на его благородное лицо и колыхалось над его высоким лбом, обрамленным длинными каштановыми волосами; его забрызганные грязью сапоги со шпорами свидетельствовали о том, что он прибыл издалека.

Когда он вошел в Сплэдгест, какой-то малорослый приземистый человек, закутанный тоже в плащ и пряча свои руки в огромных перчатках, спрашивал солдата:

– А кто тебе сказал, что он самоубийца? Что он не сам покончил с собой, это так же верно, как то, что крыша вашего собора не загорелась сама собой.

Подобно тому, как обоюдоострый меч наносит двойную рану, эти слова породили два ответа.

– Наш собор! – повторил Ниэль. – Его кроют теперь медью. Говорят, что это злодей Ган поджег его, чтобы доставить работу рудокопам, среди которых был и его любимец Жиль Стадт.

– Что за черт! – вскричал в свою очередь солдат. – Кто смеет спорить со мной, вторым стрелком Мункгольмского гарнизона, что этот человек не пустил себе пулю в лоб?

– Этот человек был убит, – холодно возразил малорослый субъект.

– Скажите на милость, какой оракул! Отваливай, твои маленькие серые глазки видят так же зорко, как и руки, которые ты прячешь среди лета в этих длинных перчатках.

Глаза незнакомца сверкали.

– Ну, служба, моли своего патрона, чтобы эти руки не оставили в один прекрасный день своего отпечатка на твоей роже.

– А, посмотрим! – вскричал солдат, вспыхнув от гнева, но вдруг сдержал себя и добавил:
– Нет, не след говорить о поединке при мертвых.

Малорослый человек пробормотал что-то на незнакомом языке и замешался в толпе.

– Его нашли на Урхтальских берегах, – произнес чей-то голос.

– На Урхтальских берегах? – повторил солдат. – Капитан Диспольсен должен был высадиться там сегодня утром, возвращаясь из Копенгагена.

– Капитана Диспольсена еще нет в Мункгольме.

– Говорят, что Ган Исландец скитается на этих берегах.

– В таком случае весьма возможно, что это капитан, – заметил солдат, – если Ган отправил его на тот свет. Кому неизвестна проклятая манера Исландца убивать свои жертвы так, чтобы они имели вид самоубийц.

– Каков из себя этот Ган? – спросил кто-то из толпы.

– Великан, – ответил один.

– Карлик, – поправил другой.

– Разве его никто не видел?

– Тот, кто видел его в первый раз, видел и в последний.

– Ш-ш! – сказала старая Олли. – Говорят, только троим удалось перекинуться с ним человеческим словом: это окаянному Спиагудри, вдове Стадт и бедняге Жилю, который лежит теперь здесь. Ш-ш!

– Ш-ш! – послышалось со всех сторон.

– Ну, – вдруг вскричал солдат, – теперь я убежден, что это капитан Диспольсен. Я узнаю стальную цепь, которую подарил ему при отъезде наш узник, старый Шумахер.

Молодой человек с черным пером поспешно вмешался:

– Ты действительно уверен, что это капитан Диспольсен?

– Клянусь Вельзевулом, это он! – ответил солдат.

Молодой человек быстро вышел из Сплэдгеста.

– Ступай найми лодку в Мункгольм, – приказал он слуге.

– Но, сударь, а как же генерал?

– Ты отведешь к нему лошадей, и завтра же я сам буду у него. Кажется, я волен поступить, как мне заблагорассудится... Ступай, скоро уж вечер, а мне дорога каждая минута. Лодку!

Повиновавшись, слуга несколько минут следил глазами за своим юным господином, который удалялся от берега.

Глава II

Читатель знает уже, что действие нашего рассказа происходит в Дронтгейме, одном из четырех наиболее значительных городов Норвегии, хотя и не служившим резиденцией вице-короля.

В 1699 году – время действие нашего рассказа – Норвежское королевство было еще соединено с Данией и управлялось вице-королями, жившими в Бергене, столице, далеко превосходившей Дронтгейм величиной, местоположением и красотой, невзирая на пошлое название, которым окрестил ее знаменитый адмирал Тромп.

Со стороны залива, от которого Дронтгейм получил свое название, город представлял привлекательное зрелище. Гавань, достаточно широкая, хотя корабли и не всегда могли проникать в нее без затруднения, представляла собой род длинного канала, с правой стороны которого стояли датские и норвежские суда, а с левой – иностранные корабли, как предписано королевским указом. В глубине залива виднелся город, расположенный на прекрасно обработанной равнине и высившийся над окрестностями длинными шпицами своего собора.

Эта церковь – один из лучших образцов готической архитектуры, насколько можно судить по книге Шонинга, которого с таким ученым видом цитировал Спиагудри и который описал собор, прежде чем частые пожары успели обезобразить его, – имела на своем главном шпице епископальный крест – отличительный знак собора, принадлежавшего лютеранской епископии Дронтгейма. В синеватой дали за городом рисовались белоснежные льдистые вершины Кольских гор, похожие на остроконечный бордюр античной короны.

Посреди гавани, на расстоянии пушечного выстрела от берега одиноко высилась на гряде скал, омываемых морскими волнами, крепость Мункгольм, мрачная тюрьма, заключавшая тогда в своих стенах узника, знаменитого блеском своего продолжительного могущества и своим быстрым падением.

Шумахер, вышедший из низкого сословия, был осыпан милостями своего монарха, затем с кресла великого канцлера Дании и Норвегии попал на скамью изменников, был возведен на эшафот и из милости брошен в уединенную темницу, вдаль от обоих королевств. Те люди, которых он сам вывел из ничтожества, теперь низвергли его, не дав даже права жаловаться на неблагодарность. Мог ли он жаловаться, видя, как ломаются под его ногами те ступени, которые он сам воздвигал для своего возвышения?

Основатель дворянского сословия Дании видел из глубины своей темницы, как вельможи, созданные им, делили промеж себя его собственные почести. Граф Алефельд, его смертельный враг, наследовал его канцлерское достоинство; генералу Аренсдорфу, как великому маршалу, достались воинские почести; епископ Споллисон сделался попечителем университета. Единственный из его врагов, который не был ему обязан своим возвышением, – это граф Ульрик Фредерик Гульденлю, вице-король Норвегии, побочный сын короля Фредерика III. Он был великодушнее всех.

К этой-то мрачной Мункгольмской скале медленно приближалась лодка молодого человека в шляпе с черным пером.

Солнце быстро опускалось к горизонту за массу крепости, которая прерывала его лучи, падавшие столь отлого, что крестьянин на отдаленных восточных холмах Ларсиниа мог следить за двигавшейся перед ним по вересняку неясной тенью часового, расхаживавшего на самой высокой башне Мункгольма.

Глава III

– Эндрю, распорядись, чтобы через полчаса подали сигнал к тушению огня. Серсилл сменил Дукнесса у главной подъемной решетки, а Мальдивий пусть станет на платформе большой башни. Необходим строжайший надзор со стороны башни Шлезвигского Льва. Не забудьте также в семь часов выстрелить из пушки, чтобы подняли цепь в гавани... нет-нет, я забыл, что ждут капитана Диспольсена. Напротив, надо зажечь маяк и посмотреть, горит ли Вальдерлонгский: об этом уже послано туда приказание, – а главное, чтобы была готова закуска для капитана. Ну, теперь все... ах нет, чуть не забыл: посадите на два дня под арест второго стрелка Торика Бельфаста, который пропал где-то целый день.

Эти приказания отдавал сержант под черными, закоптелыми сводами Мункгольмской гауптвахты, находившейся в низкой башне, высившейся над главными воротами крепости.

Солдаты, к которым он обращался, бросали игру или поднимались с коек, спеша исполнить приказание, и на гауптвахте водворилась тишина.

Через минуту мерный плеск весел послышался со стороны залива.

– Ну, должно быть, это капитан Диспольсен, – пробормотал сержант, открывая маленькое решетчатое окошко, выходящее на залив.

Лодка действительно причалила к железным воротам крепости.

– Кто там? – окликнул сержант хриплым голосом.

– Отвори! – был ответ. – Мир и безопасность.

– Вход воспрещен! Есть ли у вас пропуск?

– Есть.

– А вот посмотрим. Если же вы нагали, клянусь всеми святыми, я заставлю вас отведать воды залива. – Затем, отвернувшись и закрыв окошко, он прибавил: – Однако это не капитан!

Свет блеснул за железными воротами; ржавые запоры заскрипели, засовы были подняты, и, приотворив калитку, сержант принялся рассматривать пергамент, предъявленный ему ново-прибывшим.

– Проходите, – проговорил он, но поспешно прибавил: – Впрочем, позвольте вам надо оставить здесь бриллиантовую пряжку вашей шляпы, так как в государственные тюрьмы нельзя входить с драгоценными украшениями. В регламенте ясно сказано, что только «король и члены королевской фамилии, вице-король и члены его фамилии, епископ и командиры гарнизона исключаются из этого правила». Вы наверняка не обладаете ни одним из этих титулов?

Молодой человек без возражений отстегнул пряжку и кинул вместо платы рыбаку, который доставил его к крепости. Лодочник, опасаясь, чтобы он не раскаялся в своей щедрости, поспешил широким пространством моря отделить благодеяние от благодетеля.

В то время как сержант, ворча на неблагоприятие правительства, злоупотребляющего правом входа в государственные тюрьмы, задвигал тяжелые засовы и мерный стук его ботфортов раздавался на ступенях лестницы, что вела на гауптвахту, молодой человек, перекинув плащ через плечо, быстрыми шагами прошел под черными сводами низкой башни, миновал длинный плац-парад и артиллерийский парк, где находилось несколько старых негодных кулеврин², которые можно видеть теперь в Копенгагенском музее. Предупрежденный окликом часового, он подошел к подъемной решетке, которая поднята была для осмотра его пропуска.

Отсюда в сопровождении солдата он, ни на минуту не задумываясь и словно хорошо знакомый с местностью, направился по диагонали одного из четырех квадратных дворов, примыкавших по бокам к главному круглому двору, посреди которого высилась обширная круглая

² Пушка старинного образца.

скала с башней под названием «замок Шлезвигского Льва», где и был заключен своим братом Рольфом Карликом герцог Шлезвигский, Джоатам Лев.

Мы не станем описывать здесь Мункгольмскую башню, тем более что читатель, заключенный в государственную тюрьму, пожалуй, станет опасаться, что оттуда нельзя спастись через сад. Опасение напрасное, так как замок Шлезвигского Льва, назначенный для высокопоставленных узников, между прочими удобствами доставлял им возможность прогуливаться в довольно обширном запущенном саду, где среди скал вокруг высокой тюрьмы и в ограде крепостных стен росли кусты остролиста, несколько старых тисов и черных сосен.

Поравнявшись с подножием круглой скалы, молодой человек взошел по грубо вырубленным в ней ступеням, которые вели к одной из башен ограды, служившей входом в центральное здание, и громко затрубил в медный рог, полученный у часового опускной решетки.

– Отворите, отворите! – с живостью закричал голос изнутри. – Это, наверно, окаянный капитан!..

Дверь отворилась, и новоприбывший, войдя в плохо освещенную комнату готической архитектуры, приметил молодого офицера, небрежно развалившегося на груде плащей и оленьих шкур близ одного из тех ночников с тремя рожками, которые наши предки подвешивали к розеткам потолка, но который в эту минуту стоял на полу. Богатство и изысканная роскошь его костюма составляли разительный контраст с голыми стенами и топорной работы мебелью комнаты.

Не выпуская книги из рук, он полуобернулся к вошедшему.

– Это вы, капитан? Добро пожаловать! Без сомнения, вы не предполагали, что заставляете ждать человека, не имеющего чести вас знать, но мы скоро познакомимся поближе, не правда ли? На первых порах дозвоьте мне выразить вам мое искреннее сожаление, что вы вернулись в этот гостеприимный замок. За тот недолгий промежуток времени, который провел здесь, я сделался так же весел, как и сова, прибитая вместо пугала к воротам башни. Клянусь дьяволом, когда я вернусь в Копенгаген на свадьбу моей сестры, и четыре дамы из целой сотни не признают меня! Скажите, пожалуйста, в моде ли еще банты из красных лент у подола кафтана? Не переведено ли каких-нибудь новых романов этой француженки, мадемуазель Скюдери? У меня теперь ее «Клелия», которой, наверно, еще зачитываются в Копенгагене. Теперь, когда я томлюсь вдали от стольких прелестных глазок, эта книга мое единственное утешение, потому что, как ни хороши глазки нашей узницы – вы знаете, о ком я, – они ничего не говорят моему сердцу. Ох уж это поручение родителя!.. Сказать по секрету, капитан, мой отец – пусть это останется между нами – поручил мне... понимаете... приволокнуться за дочерью Шумахера, но все старания мои пошли прахом. Это не женщина, а прекрасная статуя: плачет по целым дням и не обращает на меня ни малейшего внимания.

Молодой человек, не имевший до сих пор случая прервать болтовню словоохотливого офицера, вскрикнул от удивления.

– Что? Что вы сказали? Вам поручили обольстить дочь несчастного Шумахера?

– Обольстить! Пожалуй, если теперь так выражаются в Копенгагене, но тут сам дьявол спасует. Представьте себе, позавчера, находясь на дежурстве, я специально для нее надел роскошные французские брыжи, полученные прямо из Парижа, ну и что бы вы думали? Она ни разу не взглянула на меня, несмотря на то что я раза три или четыре проходил через ее комнату, брянда новыми шпорами, колесо которых будет пошире ломбардского червонца. Это ведь новейший фасон, не правда ли?

– Боже мой! – прошептал молодой человек, сжимая голову руками. – Это ужасно!

– Не правда ли? – подхватил офицер, ложно истолковав смысл этого восклицания. – Ни малейшего внимания ко мне! Невероятно, а между тем сушая правда!

Страшно взволнованный, молодой человек заходил по комнате большими шагами.

– Не хотите ли перекусить, капитан Диспольсен? – крикнул ему офицер.

Молодой человек опомнился.

– Я вовсе не капитан Диспольсен.

– Что? – вскричал офицер грубым тоном, поднявшись со своего ложа. – Но кто же вы, если осмелились проникнуть сюда, да еще в такой час?

Молодой человек развернул свой пропуск.

– Мне надо видеть графа Гриффенфельда... я хочу сказать, вашего узника.

– Графа! Графа! – пробормотал офицер недовольным тоном. – Однако бумаги ваши в порядке, за подписью вице-канцлера Груммонда Кнуда: «Предъявитель сего имеет право во всякое время дня и ночи входить во все государственные тюрьмы». Груммонд Кнуд – брат старшего генерала Левина Кнуда, губернатора Дронтгейма, и вы должны знать, что этот старый воин воспитал моего будущего зятя...

– Очень вам благодарен, поручик, за эти семейные тайны. Но, быть может, вы и без того слишком много распространялись о них?

«Грубиян прав», – подумал поручик, закусив губы.

– Эй, тюремщик! Тюремщик! Проводи этого господина к Шумахеру, да не ворчи, что я отцепил у тебя ночник о трех рожках с одной светильней. Мне интересно было рассмотреть поближе вещицу времен Скиольда Язычника или Гавара Перерубленного, и к тому же теперь вешают на потолок только хрустальные люстры.

В то время как молодой человек и его проводник проходили по уединенному саду крепости, поручик – эта жертва моды – снова принялся упиваться любовными похождениями амазонки Клелии и Горация Кривого.

Глава IV

Между тем слуга с двумя лошадьми въехал на двор дома дронтгеймского губернатора. С недовольным видом соскочив с седла и тряхнув головой, он хотел было отвести лошадей в конюшню, как вдруг кто-то схватил его за руку и спросил:

– Что это ты один, Поэль? А где же твой барин? Куда он девался?

Этот вопрос задан был старым генералом Левином Кнудом, который, приметив из окна слугу молодого человека, поспешил выйти на двор. Устремив на слугу испытующий взор, он с беспокойством ждал его ответа.

– Ваше превосходительство, – ответил Поэль с почтительным поклоном, – моего барина нет уже в Дронтгейме.

– Как! Он был здесь и уехал, не повидавшись со мной, не обняв своего старого друга? Давно он уехал?

– Он приехал и уехал сегодня вечером.

– Сегодня вечером... сегодня вечером!.. Но где же он остановился? Куда отправился?

– Он сошел с коня на пристани у Сплэдгеста и переправился в Мункгольм.

– А!.. Кто бы мог думать, что он так близко... Но зачем его понесло в замок? Что он делал в Сплэдгесте? Вот поистине странствующий рыцарь! А виноват в этом все я: к чему было давать ему такое воспитание? Мне хотелось, чтобы он был свободен, несмотря на свое сословие...

– Ну, нельзя сказать, чтобы он был рабом этикета, – заметил Поэль.

– Да, но зато он раб своих прихотей. Однако тебе пора отдохнуть, Поэль... Скажи мне, – вдруг спросил генерал, на лице которого появилось выражение озабоченности, – вы порядком колесили?

– Нет, генерал, мы прибыли сюда прямо из Бергена. Мой барин был не в духе.

– Не в духе! Что бы это могло произойти у него с родителем? Может быть, ему не по душе этот брак?

– Не знаю, но говорят, что его светлость настаивает на этом браке.

– Настаивает! Ты говоришь, Поэль, что вице-король настаивает? Но если он настаивает, значит, Орденер противится.

– Не могу знать, ваше превосходительство, только мой барин был не в духе.

– Не в духе? Ты хоть знаешь, как принял его отец?

– В первый раз – это было в лагере близ Бергена – его светлость сказал ему: «Я не часто вижу вас, сын мой». – «Тем отраднее для меня, государь и отец мой, – ответил мой барин, – если вы это замечаете». Затем он представил его светлости подробный отчет о своих поездках по северу, и вице-король одобрил их. На другой день, вернувшись из дворца, мой барин сказал: «Меня хотят женить, но сперва мне необходимо повидаться с генералом Левином, моим вторым отцом». Я оседлал лошадей, и вот мы здесь.

– Правда ли, мой добрый Поэль, – спросил генерал голосом, дрожащим от волнения, – он назвал меня своим вторым отцом?

– Точно так, ваше превосходительство.

– Горе мне, если этот брак не пришелся ему по сердцу! Я готов скорее впасть в немилость у короля, чем дать свое согласие. А между тем это дочь великого канцлера обоих королевств!.. Да, кстати, Поэль: известно ли Орденеру, что его будущая теща, графиня Алефельд, со вчерашнего дня находится здесь инкогнито и что сюда же ждут самого графа?

– Я не слышал об этом, генерал.

– О! – пробормотал старый губернатор. – Он, должно быть, знает об этом, если с такой поспешностью оставил город.

Благосклонно махнув рукой Поэлю и отдав честь часовому, который сделал ему «на караул!», генерал, еще более озабоченный, вернулся в свое жилище.

Глава V

Когда тюремщик, пройдя винтовые лестницы и высокие комнаты башни Шлезвигского Льва, открыл наконец дверь камеры, которую занимал Шумахер, первыми словами, коснувшись слуха молодого человека, были:

– Вот наконец и капитан Диспольсен.

Старик, который произнес эти слова, был одет в шерстяную черную симарру³ и сидел спиной к двери, облокотившись на рабочий стол и поддерживая голову руками. В глубине комнаты над кроватью виднелся разбитый гербовый щит, а вокруг порванные цепи орденов Слона и Даннеброга; опрокинутая графская корона была прикреплена под щитом, и два обломка жезла, сложенные крест-накрест, дополнили собой эти странные украшения. Старик и был Шумахер.

– Нет, это не капитан, – ответил тюремщик и, обратившись к молодому человеку, добавил: – Вот узник.

Оставив их наедине, он захлопнул дверь, не услышав слов старика, который заметил резким тоном:

– Я никого не хочу видеть, кроме капитана.

Молодой человек остановился у дверей, а узник, ни разу не обернувшись и думая, что он один, снова погрузился в молчаливую задумчивость, потом вдруг вскричал:

– Капитан, наверное, изменил мне! Люди!.. Люди похожи на кусок льда, который араб принял за бриллиант. Он тщательно спрятал его в свою котомку, когда хотел вынуть, не нашел даже капли воды...

– Я не из тех людей, – промолвил молодой человек.

Шумахер быстро вскочил.

– Кто здесь? Кто подслушивал меня? Какой-нибудь презренный шпион Гульденлью?..

– Граф, не злословьте вице-короля.

– Граф! Если из лести вы так титузуете меня, ваши старания бесплодны. Я в опале.

– Тот, кто говорит с вами, не знал вас во время вашего могущества, но тем не менее он ваш искренний друг.

– И все же чего-нибудь хочет добиться от меня: память, которую хранят к несчастным, всегда измеряется видами, которые питают на них в будущем.

– Вы несправедливы ко мне, благородный граф. Я вспомнил о вас, вы же меня забыли. Я Орденер.

Мрачные взоры старика сверкнули радостным огнем. Невольная улыбка, подобная лучу, рассекающему тучи, оживила его лицо, обрамленное седой бородой.

– Орденер! Добро пожаловать, скиталец Орденер! Тысячу крат благословен путник, вспомнивший узника!

– Однако вы забыли меня? – спросил Орденер.

– Я забыл вас, – повторил Шумахер мрачным тоном, – как забывают ветерок, который, пролетая мимо, освежил нас своим дуновением. Счастливы мы, что он не превратился в ураган и не уничтожил нас.

– Граф Гриффенфельд, – возразил молодой человек, – разве вы не рассчитывали на мое возвращение?

– Старый Шумахер ни на что не рассчитывает. Но тут есть девушка, которая еще сегодня заметила мне, что восьмого мая минул год с тех пор, как вы уехали.

Орденер вздрогнул.

– Как, великий боже! Неужели ваша Этель, благородный граф?

³ Длинная мантия, облачение высшего духовенства.

– А то кто же?

– Ваша дочь, граф, удостоила считать месяцы со времени моего отъезда! О! Сколько печальных дней провел я с тех пор! Я объездил всю Норвегию: от Христиании вплоть до Вардхуза, – но путь мой всегда направлен был к Дронтгейму.

– Пользуйтесь вашей свободой, молодой человек, пока есть возможность, но скажите мне наконец: кто вы? Мне хотелось бы знать вас, Орденер, под другим именем. Сын одного из моих смертельных врагов носит это имя.

– Быть может, граф, этот смертельный враг более доброжелателен к вам, чем вы к нему.

– Вы не отвечаете на вопрос, но храните вашу тайну: может быть, я узнаю со временем, что плод, утоляющий мою жажду, – яд, который меня убьет.

– Граф! – вскричал Орденер раздражительно. – Граф! – повторил он тоном мольбы и укора.

– Могу ли я довериться вам, – возразил Шумахер, – когда вы постоянно держите сторону этого неумолимого Гульденлю?..

– Вице-король, – серьезно перебил молодой человек, – только что отдал приказание, чтобы впредь вы пользовались безусловной свободой внутри башни Шлезвигского Льва. Эту новость узнал я в Бергене, и, без сомнения, вы немедленно получите ее здесь.

– Вот милость, на которую я не смел рассчитывать, о которой ни с кем бы не решился говорить, кроме вас. Впрочем, тяжесть моих оков уменьшается по мере того, как возрастают мои лета, и когда старческая дряхлость превратит меня в развалину, мне скажут: «Ты свободен». – Старик горько усмехнулся и продолжил: – А вы, молодой человек: сохранили ли вы свои безумные мечты о независимости?

– В противном случае я не был бы здесь.

– Каким образом прибыли вы в Дронтгейм?

– Очень просто: на лошади.

– А в Мункгольм?

– На лодке.

– Бедный безумец! Бредит о свободе и меняет лошадь на лодку. Свою волю приводит он в исполнение не своими членами, а при посредстве животного или вещи, но между тем кичится своей свободой!

– Я заставляю существа повиноваться мне.

– Позволять себе властвовать над известными существами – значит, давать другим право властвовать над вами. Независимость мыслима лишь в уединении.

– Вы не любите людей, достойный граф?

Старик печально рассмеялся:

– Если плачу, то о том, что я человек, а смеюсь над теми, кто утешает меня. Если вы еще не знаете, то убедитесь впоследствии, что несчастье делает человека недоверчивым подобно тому, как удача делает неблагодарным. Послушайте, вы прибыли из Бергена: скажите, какой благоприятный ветер подул на капитана Диспольсена? Должно быть, счастье улыбнулось ему, если он забыл меня.

Орденер пришел в мрачное смущение.

– Диспольсен, граф? Я нарочно прибыл сюда поговорить с вами о нем, зная, что он пользуется вашей доверенностью...

– Моей доверенностью? – с беспокойством прервал узник. – Вы ошибаетесь. Никто в мире не пользуется моей доверенностью. Правда, в руках Диспольсена находятся мои бумаги, бумаги чрезвычайно важные. По моей просьбе он отправился к королю в Копенгаген, и даже я должен признаться, что рассчитывал на него больше, чем на кого-либо другого, так как во время моего могущества не оказал ему ни малейшей услуги.

– Да, благородный граф, я его видел сегодня...

- Ваше смущение подсказывает мне остальное: он изменил.
- Он умер.
- Умер!

Узник скрестил руки, голова упала на грудь, затем, устремив взор на молодого человека, тихо произнес:

- Не говорил ли я вам, что счастье улыбнулось ему!..

Обратившись к стене, на которой висели знаки его низвергнутого величия, он махнул рукой, как бы для того, чтобы удалить свидетелей горя, которое он пытался побороть.

– Не о нем скорблю я: одним человеком меньше или больше, не все ли равно, – и не о себе: чего мне терять? – но дочь моя, моя злополучная дочь!.. Я буду жертвой этого гнусного заговора, а тогда что станет с дочерью, у которой отнимут отца?..

Он с живостью обернулся к Орденеру.

- Каким образом он умер? Где вы его видели?

– Я видел его в Сплэдгесте, но неизвестно, сам ли он покончил с собой или был убит.

– А это чрезвычайно важно узнать. Если он был убит, я знаю, откуда направлен был удар, и тогда все пропало. Диспольсен вез мне доказательства заговора, затеянного против меня, которые могли бы спасти меня и погубить моих врагов, но они сумели их уничтожить!.. Несчастливая Этель!..

- Граф, – сказал Орденер, – завтра я скажу вам, каким образом он умер.

Не ответив ни слова, Шумахер проводил выходящего из комнаты Орденера выразившим такое спокойствие отчаяния взором, которое ужаснее спокойствия смерти.

Очувтившись за дверью камеры узника, Орденер не знал, в какую сторону направиться: наступила ночь, и в башне царила темнота.

Отворив наудачу первую попавшуюся дверь, он вошел в длинный коридор, освещенный лишь луной, которую то и дело закрывали быстро пробежавшие мягкие облака. Ее печальный свет падал по временам на узкие высокие окна, рисуя на противоположной стене как бы длинную процессию призраков, которые разом являлись и исчезали в глубине галереи.

Молодой человек медленно перекрестился и направился на красноватый свет, слабо мерцавший в конце коридора.

Дверь была полуоткрыта. Девушка, коленопреклоненная перед простым алтарем в готической молельне, читала вполголоса молитвы Святой Деве: простодушные, но возвышенные, в которых душа, возносясь к Матери всех скорбящих, просила только ее заступничества.

Девушка была одета в черный креп и белый газ, словно желала показать, что дни ее до сих пор протекали в горестях и невинности. Несмотря на ее скромный костюм, на всем существе ее лежал отпечаток натуры исключительной. Ее глаза и длинные волосы были черны как смоль – красота редкая на Севере; ее взоры, блуждавшие по сводам часовни, казалось, скорее были воспламенены экстазом, чем потушены сосредоточенностью в самой себе. Словом, это была дева с берегов Кипра или полей тибурских, облеченная в фантастические покровы Оссиана и распростершаяся пред деревянным крестом и каменным алтарем Спасителя.

Узнав молящуюся, Орденер вздрогнул и чуть не лишился чувств.

Она молилась за своего отца – низвергнутого властелина, за старца узника и покинутого всеми, и громко прочла псалом освобождения.

Она молилась и за другого, но Орденер не слышал имени того, за кого она молилась; не слышал, так как она не произнесла этого имени, только прочла гимн Суламиты, супруги, ожидающей супруга и возвращение возлюбленного.

Орденер отошел от двери. Он благоговел перед этой девственницей, мысли которой летели к нему; молитва – таинство великое, и сердце его невольно переполнилось неведомым, хотя и мирским восхищением.

Дверь молельни тихо отворилась, и на пороге появилась женщина, белая в окружающей ее темноте. Орднер замер на месте, страшное волнение охватило все его существо. От слабости он прислонился к стене, все члены его дрожали, и биение сердца раздавалось в ушах.

Проходя мимо, молодая девушка услышала шорох плаща и тяжелое, прерывистое дыхание.

– Боже!.. – вскричала она.

Орднер кинулся к ней; одной рукой поддерживая девушку, другой он тщетно пытался удержать ночник, который выскользнул у нее из рук и потух.

– Это я, – нежно шепнул он.

– Орднер! – вскричала девушка, когда звук голоса, которого она не слыхала целый год, коснулся ее слуха.

Луна, выглянувшая из-за облаков, осветила радостное лицо прекрасной девушки. Робко и застенчиво освободившись из рук молодого человека, она сказала:

– Это господин Орднер?

– Это он, графиня Этель...

– Зачем вы называете меня графиней?

– Зачем вы зовете меня господином?

Девушка замолчала и улыбнулась; молодой человек замолчал и вздохнул.

Этель первая прервала молчание:

– Каким образом очутились вы здесь?

– Простите, если мое присутствие огорчает вас. Мне необходимо было переговорить с графом, вашим отцом.

– Итак, – сказала Этель взволнованно, – вы приехали сюда только для бабушки?

Орднер потупился: этот вопрос показался ему слишком жестоким.

– Без сомнения, вы уже давно находитесь в Дрондгейме, – продолжила девушка укоризненным тоном, – отсутствие в этом замке не казалось вам продолжительным.

Орднер, уязвленный до глубины души, не ответил ни слова.

– Я одобряю вас, – продолжила узница голосом, дрожавшим от гнева и печали, и добавила несколько надменно: – Но надеюсь, что вы не слыхали моих молитв.

– Графиня, – ответил наконец молодой человек, – я их слышал.

– Ах, господин Орднер, нехорошо подслушивать таким образом.

– Я вас не подслушивал, благородная графиня, – тихо возразил Орднер, – а слышал.

– Я молилась за отца, – продолжила девушка, не спуская с него пристального взора и как бы ожидая ответа на эти простые слова.

Орднер хранил молчание.

– Я также молилась, – добавила она, с беспокойством следя, какое действие производят на него ее слова, – я также молилась за человека, который носит ваше имя, за сына вице-короля, графа Гульденлю. Надо молиться за всех, даже за врагов наших.

Этель покраснела, чувствуя, что солгала; но была раздражена против молодого человека и думала, что назвала его в своих молитвах, тогда как назвала лишь в своем сердце.

– Орднер Гульденлю очень несчастлив, благородная графиня, если вы считаете его одним из ваших врагов, но в то же время слишком счастлив, занимая место в ваших молитвах.

– О нет, – сказала Этель, смущенная и испуганная холодностью молодого человека, – нет, я не молилась за него... Я не знаю, что делала, что делаю. Я ненавижу сына вице-короля, я его не знаю. Не смотрите на меня так сурово: разве я вас оскорбила? Неужели вы не можете простить бедной узнице, вы, который проводит жизнь подле какой-нибудь прекрасной благородной женщины, такой же свободной и счастливой, как и вы!..

– Я, графиня!.. – вскричал Орднер.

Этель залилась слезами, и молодой человек кинулся к ее ногам.

– Разве вы не говорили мне, – продолжала она, улыбаясь сквозь слезы, – что ваше отсутствие не казалось вам продолжительным?

– Кто? Я, графиня?

– Не называйте меня таким образом, – сказала она тихо, – теперь я ни для кого уже не графиня, и тем более для вас...

Орденер с живостью поднялся на ноги и не смог удержаться, чтобы в страстном порыве не прижать девушку к груди.

– О, моя обожаемая Этель, называй меня твоим Орденером!.. – вскричал он, останавливая свой пламенный взор на заплаканных глазах Этели. – Скажи, ты любишь меня?..

Ответа девушки слышно не было, так как Орденер, вне себя от восторга, сорвал с ее губ вместе с ответом эту первую ласку, этот священный поцелуй, которого пред лицом Всевышнего достаточно для того, чтобы соединить на веки два любящих существа.

Оба остались безмолвны, находясь в одном из тех торжественных моментов, столь редких и столь кратких на земле, когда душа как бы вкушает нечто из небесного блаженства. В эти неизъяснимые мгновения две души беседуют между собой на языке, понятном только для них одних; тогда все человеческое молчит, и два невещественных существа таинственным образом соединяются на всю жизнь в этом мире и навеки в будущем.

Этель медленно освободилась из объятий Орденера, и, освещенные бледным светом луны, они в упоении смотрели друг на друга. Пламенный взор молодого человека сверкал мужественной гордостью и храбростью льва, в то время как полуоткрытый взор девушки исполнен был тем смущением, той ангельской стыдливости, которая в сердце девственницы нераздельна с восторгами первой любви.

– Сейчас, в этом коридоре, – произнесла наконец Этель, – вы избегали меня, мой Орденер?

– Нет, не избегал; я подобен был тому несчастному слепцу, который, когда после долгих лет возвратилось к нему зрение, на минуту отворачивается от дневного света.

– Ваше сравнение более подходит ко мне, потому что во время вашего отсутствия мое единственное утешение заключалось в моем несчастном отце. Эти долгие дни провела я, утешая его и, – прибавила она, потупив глаза, – надеясь на вас. Я читала моему отцу сказание Эдды, а когда он разочаровывался в людях – Евангелие, чтобы по крайней мере не терял веры в Небо; затем я говорила ему о вас, и он молчал – доказательство его любви к вам. Но когда я по целым вечерам бесплодно просиживала у окна, глядя на дорогу, по которой проезжали путешественники, и на гавань, куда приплывали корабли, с горькой улыбкой качал он головой, а я плакала. Темница, где до сих пор я провожу мои дни, стала мне ненавистной, несмотря на то что со мной был отец, который до вашего появления составлял для меня все, но вас не было и я страстно жаждала неведомой для меня свободы.

В глазах девушки, в ее простодушной нежности и милом запинании ее речи дышала прелесть, не выразимая человеческими словами. Орденер слушал ее с мечтательным наслаждением существа, перенесенного из мира реального в мир идеальный.

– А я, – сказал он, – теперь не хочу той свободы, которую вы не можете разделять со мной.

– Как, Орденер, – с живостью откликнулась Этель, – вы не оставите нас более?

Этот вопрос вернул молодого человека к действительности.

– Милая Этель, я должен оставить вас сегодня же. Завтра я снова увижусь с вами и завтра же покину, для того чтобы, возвратившись, не покидать более.

– О! – вскричала с тоской девушка. – Новая разлука!..

– Повторяю вам, моя ненаглядная Этель: я скоро возвращусь, чтобы вывести вас из этой тюрьмы или похоронить в ней себя вместе с вами.

– В тюрьме вместе с ним! – прошептала она. – О, не обманывайте меня. Могу ли я надеяться на такое блаженство?

– Каких клятв нужно тебе? Чего ты от меня хочешь? – вскричал Орденер. – Скажи мне, Этель, разве ты не жена моя?

В увлечении страсти он крепко прижал ее к своей груди.

– Твоя, – слабо прошептала она.

Два благородных чистых сердца отрадно бились друг против друга, делаясь еще благороднее, еще чище.

В эту минуту грубый взрыв хохота раздался позади них. Человек, закутанный в плащ, открыл потайной фонарь, который держал под полой, и вдруг осветил фигуру испуганной и смущенной Этели и надменно изумленное лицо Орденера.

– Смелей, смелей, прекрасная парочка! Но мне кажется, что, слишком мало проблуждавая в стране Нежности и не проследовав по всем изгибам ручья Чувств, вы чересчур кратким путем достигли хижины Поцелуя.

Читатели, без сомнения, узнали уже поручика, страстного поклонника мадемуазель Скюдери. Оторванный от чтения «Клелии» боем часов полуночи, которых не слышали наши влюбленные, он отправился сделать ночной обход башни.

Проходя в глубине восточного коридора, он услышал звук голосов и приметил два призрака, двигавшихся в галерее при лунном свете. По природе смелый и любопытный, он спрятал под плащом свой фонарь, неслышными шагами приблизился к привидениям и своим грубым хохотом потревожил их сладостное упоение.

В первую минуту Этель хотела было бежать от Орденера, но затем, вернувшись к нему и как бы инстинктивно ища защиты, спрятала свое вспыхнувшее личико на груди молодого человека.

Орденер с величием короля поднял голову и сказал:

– Горе тому, кто осмелится потревожить и опечалить мою Этель!

– Вот именно, – сказал поручик. – Горе мне, если я имел неловкость испугать нежную Майдану.

– Господин поручик, – сказал Орденер надменным тоном, – я советую вам молчать.

– Господин наглец, – парировал тот, – я советую вам молчать.

– Послушайте! – вскричал Орденер громовым голосом. – Понимаете ли вы, что только молчанием можете заслужить себе прощение?

– *Tibi tua*⁴, – ответил поручик. – Возьмите назад свои советы и сами молчанием заслужите мое прощение.

– Молчать! – вскричал Орденер голосом, от которого дрогнули оконные стекла, и, опустив трепещущую девушку в одно из старых кресел коридора, крепко схватил руку офицера.

– О, мужик! – сказал поручик и насмешливо, и раздражительно. – Вы не примечаете, что рукава, которые вы так безбожно мнете, из самого дорогого авиньонского бархата?

Орденер пристально взглянул на него.

– Поручик, мое терпение гораздо короче моей шпаги.

– Понимаю, мой храбрый молодчик, – сказал офицер, иронически улыбаясь, – вам хотелось бы, чтобы я оказал вам эту честь. Но знаете ли, кто я? Нет-нет, как хотите, князь против князя, пастух против пастуха, как говорил прекрасный Леандр.

– И если сказать «трус против труса», – возразил Орденер, – то я все же не имел бы чести помериться с вами.

– Я рассердился бы, мой уважаемый пастушок, только если бы вы носили мундир.

– У меня нет ни галунов, ни аксельбантов, поручик, но зато есть сабля.

⁴ Твоя от твоих (*лат.*).

Молодой человек, гордо откинув плащ за плечо, надел шляпу и схватился за эфес своей сабли, но Этель, испуганная грозной опасностью, с криком ужаса и мольбы бросилась к нему на шею.

– Вы поступаете благоразумно, прекрасная девица, не желая, чтобы я проучил этого молодчика за его дерзость, – промолвил поручик, который бесстрашно принял оборонительную позу при угрожающем движении Орденера, – так, как Кир, поссорясь с Камбизом, хотя, быть может, я делаю слишком большую честь этому вассалу, сравнивая его с Камбизом.

– Ради самого неба, господин Орднер, – прошептала Этель, – не делайте меня причиной подобного несчастья... – И прибавила, подняв на него свои прекрасные глаза: – Орднер, умоляю тебя!..

Орднер медленно вложил в ножны полуобнаженную саблю.

– Клянусь честью, рыцарь, – вскричал поручик, – я не знаю, имеете ли вы право на это звание, но даю вам этот титул, так как мне кажется, что вы его заслуживаете. Клянусь честью, мы поступаем согласно законам храбрости, но не рыцарства. Девица права: поединок, который чуть было не завязался у нас, не должен происходить в присутствии дам, – хотя, не во гнев прелестной девице будь сказано, дамы могут быть причиной его. Теперь мы можем только условиться относительно *duellum remotum*⁵, и, как обиженный, вы имеете право назначить время, место и оружие. Мой острый толедский клинок или меридский кинжал к услугам вашей тяпки, вышедшей из кузниц Ашкрота, или охотничьего ножа, закаленного в озере Спарбо.

Отсроченный поединок, который офицер предложил Орднеру, пользуется правом гражданства на Севере, откуда, по мнению ученых, ведет свое начало обычай дуэли. Самые знатные вельможи предлагали и принимали *duellum remotum*. Поединок откладывался на несколько месяцев, иногда даже на несколько лет, и в продолжение этого промежутка времени противники обязаны были ни словом, ни действием не касаться того, что послужило поводом к вызову.

Таким образом, например, в любовной интриге соперники не имели права видеться с предметом их страсти ввиду того, чтобы обстоятельства дела оставались в одном и том же положении, и в этом отношении полагались на рыцарскую честность. То же самое происходило и на древних турнирах, когда судьи поединка, считая закон рыцарства нарушенным, бросали жезл на арену. В ту же минуту сражающиеся останавливались, но вплоть до разъяснения недоумений шпага победителя ни на волос не отделялась от шеи побежденного.

– Итак, рыцарь, – промолвил Орднер после минутного раздумья, – мой секундант уведомит вас о месте.

– Прекрасно, – ответил поручик, – тем более что я до тех пор успею побывать на бракосочетании моей сестры, и, таким образом, вы будете иметь честь драться с шурином благородного вельможи, сына вице-короля Норвегии, барона Орднера Гульденлю, который, по случаю этого блестящего союза, как говорит Артамена, получит титул графа Данескиольда, чин полковника и орден Слона; я же, как сын великого канцлера обоих королевств, без сомнения, буду произведен в капитаны.

– Хорошо, хорошо, поручик Алефельд, – терпеливо перебил Орднер, – но вы еще не капитан, сын вице-короля не полковник... а сабля всегда останется саблей.

– А мужик всегда мужиком, как бы вы его ни шлифовали, – пробормотал сквозь зубы офицер.

– Рыцарь, – произнес Орднер, – вам должны быть известны законы рыцарства. Вы не войдете более в эту башню и сохраните строжайшее молчание относительно сегодняшнего происшествия.

⁵ Отсроченный поединок (*лат.*).

– Относительно молчания вы можете положиться на меня: буду нем, как Муций Сцевола, когда держал в огне свою руку. В башню тоже никто не будет ходить: ни я, ни один из аргусов гарнизона, – так как я только что получил приказание оставить впредь Шумахера без надзора – приказание, которое обязан был сообщить ему сегодня же вечером, но не успел, провозившись с новыми краковскими сапожками (приказание, сказать между нами, довольно неблагоприятное). Хотите посмотреть мои сапожки?

Во время этого разговора Этель, убедившись, что противники успокоились, и не понимая, что значит *duellum gemotum*, исчезла, тихо шепнув на ухо Орденеру:

– До завтра.

– Я бы попросил вас, поручик Алефельд, чтобы вы помогли мне выйти из крепости.

– Охотно, – отвечал офицер, – хотя уже довольно поздно, или, лучше сказать, очень рано.

Но каким образом раздобудете вы лодку?

– Это уж моя забота, – возразил Орденер.

Дружески разговаривая, они прошли сад, дворы, круглый и квадратный, и Орденер, сопровождаемый дежурным офицером, нигде не был задержан. Миновав большую опускную решетку, артиллерийский парк, плац-парад, они достигли низкой башни, железная дверь которой была открыта по приказанию поручика.

– До свидания, поручик Алефельд, – сказал Орденер.

– До свидания, – ответил офицер, – объявляю вас храбрым бойцом, хотя не знаю, кто вы и будут ли достойны титула секунданта те, которых вы приведете на место нашего поединка.

Обменявшись рукопожатиями, они расстались. Железная дверь затворилась, и поручик, напевая арию Люлли, возвратился в свою комнату восхищаться польскими сапогами и французским романом.

Орденер, оставшись один на пороге двери, скинул с себя одежду, завернул в свой плащ, привязал к голове сабельной портупеей, а затем, применяя на практике идеи Шумахера о независимости, кинулся в холодные спокойные воды залива и поплыл в темноте к берегу, направляясь в сторону Спладгеста, почти уверенный, что, живой или мертвый, достигнет места своего назначения.

Дневные усталости до такой степени изнурили его, что лишь с большим трудом успел он выбраться на берег. Одевшись наскоро, он направился к Спладгесту, черная масса которого обрисовалась на портовой площади. Луны, закрытой облаками, не было видно.

Приблизившись к зданию, он услышал как бы звук голосов, а из верхнего отверстия выходил слабый свет. Изумленный, он сильно постучал в четырехугольную дверь. Шум прекратился, свет исчез. Он снова постучался: свет вновь появился, позволив ему заметить что-то черное, проскользнувшее через верхнее отверстие и притаившееся на плоской крыше строения. Орденер, ударив в третий раз рукоятью сабли, закричал:

– Именем его величества короля, отворите! Именем его светлости вице-короля, отворите!

Дверь наконец медленно отворилась, и Орденер очутился лицом к лицу с длинной бледной сухощавой фигурой Спиагудри. Одежда его была в беспорядке, глаза блуждали, волосы стояли дыбом. В окровавленных руках держал он надгробный светильник, пламя которого дрожало гораздо менее приметно, чем громадное тело Спиагудри.

Глава VI

Через час после ухода молодого путешественника из Сплэдгеста сумерки стусились, и толпа зрителей мало-помалу разошлась. Оглипиглап запер лицевую дверь мрачного здания, а Спиагудри в последний раз окатил водой трупы, лежавшие на черных плитах.

Затем оба разошлись по своим неприхотливым каморкам, и между тем как Оглипиглап заснул на своем жестком ложе подобно трупам, вверенным его надзору, почтенный Спиагудри, усевшись за каменным столом, заваленным древними книгами, высушенными растениями и очищенными от мяса костями, углубился в свои ученые занятия, в сущности, весьма невинного свойства, но которые составили ему в народе репутацию волшебника и чародея – жалкий удел науки в эту эпоху!

В течение нескольких часов он оставался погруженным в глубокомысленные размышления, и, прежде чем променять на постель свои книги, остановился на следующем мрачном афоризме Ториодуса Торфеуса: «Когда человек зажигает светильник, смерть может настичь его раньше, чем он успеет его потушить...»

– Не во гнев будь сказано ученому доктору, – прошептал Спиагудри, – этого не случится сегодня со мной.

Он взял ночник, намереваясь его потушить.

– Спиагудри! – закричал чей-то голос, выходящий из мертвецкой.

Старый смотритель вздрогнул всем телом, однако не от мысли, которая пришла бы в голову, быть может, всякому другому на его месте, что печальные гости Сплэдгеста взбунтовались против своего хозяина. Он был довольно учен, чтобы не пугать себя такими воображаемыми ужасами. Его страх был небезоснователен, так как он отлично знал голос, назвавший его по имени.

– Спиагудри! – снова послышался неистовый голос. – Неужели, чтобы вернуть слух, я должен прийти и оторвать тебе уши?

– Да хранит святой Госпиций не мою душу, но тело! – пробормотал в страхе старик.

Неверным, колеблющимся шагом направился он ко второй боковой двери и поспешил ее открыть. Читатели не забыли, что эта дверь вела в мертвецкую.

Ночник, находившийся у него в руках, осветил своеобразную отвратительную картину. С одной стороны худощавая, длинная, слегка сгорбленная фигура Спиагудри; с другой – малорослый субъект, плотный и коренастый, одетый с ног до головы шкурами всевозможных зверей, еще покрытых пятнами подсохшей крови.

Он стоял у ног трупа Жиля Стадта, занимавшего вместе с девушкой и капитаном глубину сцены. Эти три последних свидетеля, скрываясь в полутемноте, одни могли без содрогания и ужаса смотреть на два живых существа, начавших разговор.

Черты лица малорослого человека, которого свет ночника заставил быстро обернуться, были запечатлены какой-то особенной дикостью. Его борода была густая, рыжая; такого же цвета волосы стояли щетиной надо лбом, покрытым шапкой из лосиной кожи. Рот широкий, губы толстые, зубы белые, острые, редкие, нос загнутый подобно орлиному клюву; серо-синие глаза, чрезвычайно подвижные, искоса смотрели на Спиагудри, и свирепость тигра, сверкавшая в них, умерялась лишь злостью обезьяны.

Это необыкновенное существо было вооружено широкой саблей, кинжалом без ножен и опиралось на длинную рукоятку топора с каменным лезвием; на руках его были огромные перчатки из шкуры синей лисицы.

– Это старое привидение порядком заставило меня ждать, – пробормотал он, как бы говоря сам с собой, и, подобно лесному зверю, испустил дикий рев.

Спиагудри побледнел бы от ужаса, если бы только мог бледнеть.

– Знаешь ли ты, – продолжал малорослый человек, обращаясь непосредственно к нему, – что я пришел сюда с Урхтальских берегов? Может быть, ты хотел, заставляя меня ждать, переменить свое соломенное ложе на одно из этих каменных?

Спиагудри дрожал, как в пароксизме лихорадки; последние два зуба, которые у него оставались, сильно застучали один о другой.

– Простите, повелитель мой, – прошептал он, изгибая свое длинное туловище дугой к ногам малорослого незнакомца, – я крепко спал...

– Ты, должно быть, хочешь, чтобы я познакомил тебя со сном, еще более крепким.

Лицо Спиагудри изобразило гримасу ужаса, которая одна была смешнее его веселых гримас.

– Это что такое? – продолжал малорослый человек. – Что с тобой творится? Может быть, тебе не нравится мое посещение?

– О повелитель и государь мой, – простонал старик, – что может быть приятнее для меня лицемерия вашего превосходительства?

Усилие, с каким он пытался придать своей испуганной физиономии радостное выражение, рассмешило бы даже мертвеца.

– Старая бесхвостая лисица, мое превосходительство приказывает тебе принести сюда одежду Жилия Стадта.

При этом имени на свирепом насмешливом лице малорослого незнакомца появилось выражение мрачной тоски.

– О повелитель мой, простите меня, но это невозможно, – ответил Спиагудри. – Вашей светлости известно, что мы обязаны доставлять в королевскую казну пожитки умерших рудокопов, так как король наследует им в качестве опекуна.

Малорослый человек обернулся к труп, скрестил руки на груди и произнес глухим голосом:

– Он прав. Эти несчастные рудокопы похожи на гагу. Им делают гнезда, чтобы потом воспользоваться их пухом.

Подняв на руки труп и сильно прижав к своей груди, он испустил дикий крик любви и горести, подобный ворчанию медведя, ласкающего своего детеныша. К этим бессвязным звукам примешивались иногда слова на каком-то наречии, непонятном для Спиагудри.

Снова опустив труп на гранитную плиту, он обратился к смотрителю Сплэдгеста:

– Известно тебе, проклятый колдун, имя солдата, родившегося под злосчастной звездой и которого эта женщина имела несчастье предпочесть Жилию?

С этими словами он толкнул холодные останки Гут Стерсен.

Спиагудри отрицательно покачал головой.

– Ну, клянусь топором Ингольфа, родоначальника моего поколения, я сотру с лица земли всех носящих этот мундир! – вскричал он, указывая на одежду офицера. – Тот, кому я хочу отомстить, попадет в их число. Я сожгу целый лес, чтобы уничтожить растущий в нем ядовитый кустарник. В этом поклялся я в день смерти Жилия и уже доставил ему товарища, который должен развеселить его труп... О, Жиль! Ты лежишь теперь здесь, бессильный, бездыханный, когда так недавно ты достигал тюленя вплавь, серну – на бегу, задушил в борьбе медведя Кольских гор. Ты теперь недвижим, между тем как в один день пробежал Дронтгеймский округ, от Оркеля до Смиазенского озера, взбирался на вершины Дофрфильда подобно белке, карабкающейся на дуб. Ты теперь нем, Жиль, а давно ли своим пением заглушал раскаты грома, стоя на бурных утесах Конгсберга. О, Жиль! Напрасно засыпал я для тебя шахты Фарерские, напрасно поджег Дронтгеймский собор. Все старания мои пошли прахом: мне не суждено было видеть в тебе продолжение поколения детей Исландии, потомства Ингольфа Истребителя. Ты не наследуешь моего каменного топора, напротив, ты завещал мне свой череп, чтобы отныне я пил из него морскую воду и человеческую кровь.

С этими словами, схватив голову трупа, он закричал:

– Спиагудри, помоги мне!

Сбросив перчатки, он обнажил свои широкие руки, вооруженные длинными ногтями, крепкими и загнутыми, как у красного зверя.

Спиагудри, увидев, что он уже готов был сорвать саблей череп трупа, вскричал с ужасом, которого не мог подавить:

– Праведный Боже! Повелитель мой!.. Мертвого!..

– Что же, – спокойно возразил малорослый незнакомец, – ты предпочитаешь, чтобы этот клинок вонзился в живого?

– О! Дозвольте мне умолять ваши рыцарские чувства... Разве может ваша честь решиться на такое святотатство?.. Ваше превосходительство... Государь мой, ваша светлость не захочет...

– Скоро ли ты кончишь? Разве нужны мне эти титулы, живой скелет, чтобы убедиться в твоём глубоком уважении к моей сабле?

– Именем святого Вальдемара, святого Усуфа, святого Госпиция заклинаю вас: пощадите мертвеца!..

– Помоги мне и не толкуй дьяволу про святых.

– Государь мой, – продолжал Спиагудри умоляющим тоном, – ради вашего знаменитого предка, святого Ингольфа!..

– Ингольф Истребитель был такой же отверженный, как и я.

– Заклинаю вас Небом, – простонал старик, падая перед ним ниц, – не навлекайте на себя его гнева.

Малорослый незнакомец вышел из терпения. Его тусклые серые глаза горели как два раскаленных угля.

– Помоги мне! – повторил он, взмахнув саблей.

Эти два слова сказаны были таким голосом, каким произнес бы их лев, если бы мог говорить.

Смотритель Спладгеста, дрожащий и полумертвый от ужаса, опустившись на черную плиту, поддерживал руками холодную влажную голову Жилия, в то время как малорослый человек с изумительным проворством снимал череп с помощью кинжала и сабли.

Когда эта операция была кончена, некоторое время он рассматривал окровавленный череп, произнося странные слова, затем вручил его Спиагудри, приказав вымыть и вычистить, и со стоном, похожим на вой, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.